

ПАВЕЛ СОЛОВЬЁВ
ВРЕМЯ ИГРАЕТ В НАС

УДК 82.34
ББК 82.3(0)
С60

Соловьёв П.И.

С60 **Время играет в нас / Павел Соловьёв – Гродно : ЮрСаПринт, 2023 – 80 с.**
ISBN 978-985-7257-66-9.

Автор этой книги Павел Соловьёв – программист, переводчик иностранной поэзии на белорусский язык, музыкант-любитель из Гродно. Сборник стихотворений «Время играет в нас» вместил тексты разных лет и разной стилистики, от философских до иронических.

УДК 82.34
ББК 82.3(0)

ISBN 978-985-7257-66-9

© Павел Соловьёв, 2023

© ООО «ЮрСаПринт», оформление, 2023

Время играет в нас

Медленно, мерно перебирая лапками по стеклу,
Время-Арахна нас истирает, нас превращает в золу.
Лучшие люди уходят быстрее, лучшие там в цене..
Время играет в нас – в лотерею. Время сгорать в огне,
Время тонуть в отравленных водах, прыгать в небесную синь,
Время вставать, водить хороводы подле сожжённых осин.
Время не вымерить счётчиком Гейгера. Время спускать корабли,
Но, отплывая, не видишь берега с той стороны земли.

Лучшие люди уходят быстрее, худшие небо копят.
Худших бы должно вздёрнуть на рее, чтоб напрямиком – в ад.
Хочешь взглядеться в зеркало мира, высмотреть горний свет –
Ветер уносит твоих кумиров, время заносит след.
Зеркало мира – точная мера времени и тебя,
Ведь справедливость – просто химера. Радуюсь ли, скорбя,
Ты понимаешь: ещё до заката время тебя сотрёт...

ритм сегидильи

запах муската

время

идти

Кассета

Время назад отмотать кассету, время вернуться в беспечный рай, бегать по крыше сарая соседа, перебегая на свой сарай, бить по мячу, и с каждым ударом думать, что ты почти Пеле, и по асфальтовым тротуарам в велосипедном лететь седле, в парке кататься на каруселях, пить газировку с сиропом за три, шумно всем домом справлять новоселья, читать Жюль Верна и Экзюпери, видеть сокровище в каждой пробке, лазить гурьбою через забор, сотню открыток хранить в коробке...

Галстук, волосы на пробор, собранный ранец, быстрее в школу, снова испачканные штаны, мы – пионеры, друзья комсомола, столовка, суп, со сметаной блины, звонок для учителя, ну-ка тише! куртка, ранец, скорее домой; чтобы опять скакать по крышам, птиц распугав толпой – кутерьмой, надо быстрее уроки сделать, ждут пацаны на школьном дворе, штандер, футбол, глядишь обалдело в небо, улёгшись на пустыре...

Что это я? Подрастают дети. Ролики, лего, трансформер, скейт, телек, мобильник, игры в инете, танчики, дота, сегодня в рейд, татухи и рэп, диджейские сеты, готы и эмо во всей красе...

Будут у них свои кассеты. Жаль, что не будет *таких* кассет.

Полувечное

Я выхожу на балкон, шурюсь на колючее солнце, выдохом – «да!»
Где-то за многоэтажками вьётся моё полувечное дао,
По нему то детишки на самокатах, то пустынные корабли.
Путь в двадцать тысяч лье начинается с первого ли.

Спустился по лестнице, вышел во двор, повернулся налево, там
В цветущей сирени узкий проход – раскрашенный солнцем эстамп,
Ярким жёлтым пятном пробежало и на пыльную землю легло,
Хочешь увидеть всё – смотри через бутылочное стекло,
Через засвеченную фотоплёнку, через дурашливость детских лет,
Через бельё на верёвках, песочницу, формочки, велосипед,
Урчание голубей на асфальте, скользящую поступь кота.
Из формочки сыплется наземь песок, шуршит пустота:
«Встань и иди. Там, впереди, любят, примут, простят».
У меня за спиной нет крыльев, лишь мои пятьдесят.

Полжизни тому назад

Вылезает через окошко на черепичную крышу,
На ярчайший солнечный свет из чердачного подполья,
И мгновенно вокруг щебетанье птиц, которого раньше не слышал,
Стрекотанье кузнечиков громче, чем шум ста водяных мельниц.
Ты лежишь на ребристой прожаренной терракоте,
Рядом жмурится котик.

Там, внизу, на земле бьют о стенку мячом друзья,
(Ужин, мультики, в спальне свет выключается ровно в девять)
А вокруг тебя провода, антенны, верёвки для сушки белья,
И ещё целый месяц можно на крыше лежать, ничего не делать, –
Лету нет предела, твоя голова звеняще пуста
До тридцатого августа.

Тридцать первое же – словно день на границе миров:
Мама гладит твою рубашку, ты собираешь рюкзак;
Ты ещё предвкушаешь встречи, хоть всего-то неделя и будь здоров,
Не хочуг, не пойду, надоело, на мокром месте глаза.
Этот день делит год на две очень неравные части:
«Должен» – дольше, чем «счастье».

Но пока бесконечно солнце и на остриях лучей
Трепыхаются, словно рыбы, наколотые минуты,
Мы с котом их снимаем, одну за одной, и бросаем в ручей,
Отпускаем на волю: ленто, ад либитум, состенуто.

и прозрачна даль, и ясны мои глаза
полжизни тому назад

Рыба на колёсах

Я – рыба на колёсах, а внутри –
Скамейки, переулки, фонари,
Троллейбусы с рогами до ветвей,
И при неяркой бежевой луне
Целуются влюблённые во мне,
И бармен сыплет специи в глинтвейн.

Там чёрный кот крадётся к воробьям,
Там старшие в беседке у ручья,
Портвейн, сырок «Орбита», домино,
Там в парке на качелях малыши,
И мальчуган к приятелям спешит,
Сандаликами шлёпая смешно,

По ромбикам брусчатки семеня,
Он тянет за верёвочку меня:
С бульварами и скверами в огнях,
С кафешками, где шум и болтовня,
Колоколами башенок звеня,
Поблёскивая стёклами витрин, –
По улицам холмистым городка,
Который тянет детская рука...

...Фитиль сгорает. Тает стеарин.

Так бывает

Так бывает: побудка, впрыгиваешь в сапоги и бежишь, пригибаясь, кричишь в темноту «ура», ведь тебе сказали, что там, впереди, враги, ты бежишь, в голове тамтамы, в груди дыра, ветер свищет навстречу, в лицо и чуть-чуть насквозь, а в ушах отголоски взрывов, топот и мат, просыпаешься с криком, откуда и что взялось, боже, боже, ну какой из меня солдат?

Так бывает: идёшь на кухню и ставишь чай, продирая глаза, не проснувшись, делаешь бутерброд, в голове тамтамы с ночи ещё стучат, чистишь зубы; лифт, светофор, переход, метро, забегаешь в офис, включаешь, ныряешь в сеть, почта-таски-баги, на митинг, на бизнес-ланч, боже, боже, если ты всё-таки есть... нет ответа, no route to host, досадно, хоть плачь.

Так бывает: мальчишка в шортах на берегу, босиком, по щиколотку в воде, а на берег неспешно волна за волной бегут, треск кузнечика, пчёлы жужжат в резеде, до земли водопадом зелёным ветви раки, по воде круги, и птицы до хрипоты.

Мальчик пускает блины-восьмушки по глади реки,
мальчик счастлив.
А ты?

В ЭТУ ВОДУ

Войди в эту воду смело, дотронься рукой до дна –
Услышишь, что недопела оборванная струна.
Не прыгай в поток, как в пропасть: ведь можно и два, и три;
Там ритм отбивают, лопаясь, воздушные пузыри,
Там соло ведёт челеста впадающего ручья,
И с каждым заходом – новая песня, но каждая – всё же твоя.
Журчит миллионом оттенков, послушай – и выходи.
Подумай, завернутый в полотенце: всё позади? впереди?

...а мальчик пекущий блины из песочка (рядом плещет вода)
ещё не умел ловко складывать строчки
зато был счастлив
всегда

Выше неба

да зачем тебе эти вопли чаек и шум набегающих вод
отойди подальше нырни и уютно устройся под
и на дне на той глубине где лишь редкие пузыри
ляг на спину и в небо смотри

там на небе пловцы и яхты ленивые скаты и дождь
оставляет недолгий с точечкой в центре след округлых подошв
катера рисуют кривые на синей глади небес
созерцай наслаждайся без

а когда устанешь бездумно глядеть на рябящую высь волну
то пора полной грудью солёной воды вдохнуть
и родиться летучей рыбой ведь рыбе этой одной
выше неба взлететь

Прощание с уездным городом N

Стылый плацкарт, тридцать шестое, в проходе тусклый фонарь.
Немеет под пальцами поручень, табак разъедает глаза.
Стоя в последнем тамбуре, смотришь в иллюминатор окна,
Как уезжает вокзал.

У каждого стыка на перегоне – свой перестук.
Каждая шпала имеет свой запах, историю и узор.
Вдоль креозотом пропитанной насыпи гонит коров пастух,
Плащом похожий на Зорро.

Каждому часу – свой часовой, а стрелке – свою орбиту;
Звёзды легли на дно, кукушка захлопнула ставни.
Дым из трубы с гудком пополам превращается в сбитень
Со вкусом мазута и стали.

Мир за окном покрывается белым. Планета теряет стыд.
Сереющей бязью туч надуваются небеса.
В них расплывается и исчезает стих, который ты
Когда-то не дописал.

Полотно

По зеркальной рельсе
Пятка к носку
Шаг
Ещё один
Балансируй резче
Гони тоску
Не смотри на стрелки
Прямо иди
Не расслабляйся
Бди

А когда устанешь
На шпалы сойди
На каждую наступай
Ровно посереде

Ощути букет
Раскалённой рельсы
Щебня
С дорожными васильками
Сядь на тёплую шпалу
Погрейся
Покатай в руках
Поднятый здесь же
Ребристый камень

Встань и иди
Между прямых
В точку
Пересечения их

Тебя не догонит локомотив.
Призрачны станции и мосты.
Рельсы и шпалы – лишь часть пути,
Дорогу себе рисуешь ты.
Вот водонапорная башня,
Или просто башня, или просто вода.
Сядь, устройся, где не так влажно,
Раскрой блокнот, зарисуй туда
Контур дороги, профиль шпалы,
На рельсе тускнеющий след.

Переночуй
В незакрытом вокзале
И уходи

* * *

В.С.

Между тысяч и тысяч ярчайших звёзд так непросто найти одну,
От которой доходит свет напрямиком к тебе,
Через чёрные дыры, с трудом прорывая мутную пелену
Пылевых туманностей, ранних уходов и прочих бед.
Если ты – астроном, то просто любитель, и твой телескоп невелик,
Запотело стекло, и в корпусе конденсат,
Отчего же тогда замирает сердце в тот невозможный миг,
Когда вглядываешься в небеса?
И когда наконец до тебя долетает свет той самой звезды, –
Решетом лучи на цветные точки дробя,
Осознание: больше не будет. Во тьму опускаешься ты.
Опускается тьма в тебя.

sous le ciel de Paris

sous le ciel de Paris замри отомри Шпенглера почитай-ка
за угол заверни скушай летучую мышь в ресторане китайском
смотри Нотрдам горит рушится шпиль уходит эпоха
но мессы не стоит месса теперь по телеку да и ладно

на уши давит стонет планктон и стон этот ой как не нов
поди теперь сядь на локостер и услышь we are taking off
по улицам бродит девчонка с косой в чём-то похожем на пеплум
чтобы снова увидеть небо нужно пройти через пекло

На горе трава

На горе трава, а в траве провал.
Провались в дыру да гляди:
Хоругвь,
Ратник палицею машет, злобный ворог лихо пляшет.
Старый город, мост дощатый, не дадим врагу пощады.
Звяк железо о доспех, чёрный ворон выше всех,
Порасклёваны сердца... До столицы шлют гонца:
Их – тумен, а мы – стена, придорожна пыль красна
Да изрублены щиты. Там бунчуки, здесь кресты.
На залитом кровью поле вороньё пирует вволю.

Тишина. Неяркий свет.
Зал «Четырнадцатый век».
Стук указки по стеклу..
Старый ворон рвёт в углу
Остывающую плоть.

Что ж ты с нами так, Господь?!

Жанровые сцены на фоне креста

Чернью распят на кресте,
Так беззащитен, раним
Бог.

Чернью на сером холсте
Подпись: Иероним
Босх.

Солнце нещадно палит
Плоть пробивает насквозь
Гвоздь.

Вой переходящих калик.
Замер, уставившись вкось,
Гость.

Ржавые тросы скрипят,
В ствол опуская с людьми
Клеть.

Шахта в дощатых крепях.
Мастер занёс над детьми
Плеть.

Воры шныряют окрест,
Ищут, кому бы ножом
В бок...

Солнце палящее. Крест.
А на кресте, обнажён, –
Бог.

У озера храм

У озера храм. Он ничей.
У входа прозрачный ручей,
Ковёр невысокой травы.
Внутри невеликий покой,
Расписанный чьей-то рукой.
Имён не осталось, увы.
Две лавки, распяты, окно.
В покое уютно, темно,
Прохладно средь жаркого дня.
Вот человек, он был – и он есть,
Он строил для предка, лежащего здесь,
Он строил храм для меня.

Господи, я не знаю, что будет моим храмом:
Книга, музыка, клип, переводы или программа, –
Нынче всего так много.
Хочется взять руками
Пыльный тяжёлый камень
И посвятить богу,
В которого я не верю.
Выложить окна, двери.
Не напишу иконы...
И, может, придёт такой же, как я,
Сядет решать – что оставляю я?
Кто же такой в этом мире я?
Ессе Ното.

Рубаи

(подражание Гияс ад-Дину Абу-ль-Фатх
Омару ибн Ибрахиму Хайяму Нишапури)

Вот гончар. Он вращает свой круг и поёт,
И прекрасный кувшин на том круге встаёт.
Точно так же и нас из податливой глины
Вылепляет всевышний и не устаёт.

Еле слышен кобыз, тихо плачет зурна.
Вдоль погоста дорога, и дума одна:
Коль до старости цел-невредим доберусь я,
Закажу в чайхане целый чайник вина!

В дверь стучится старуха костлявым перстом,
И всё лучшее я выставляю на стол.
Это вовсе не чай, о почтенная леди, –
Заходи-ка за мною годков через сто!

Вьётся нитка судьбы, как в степи колея.
Утекают года, уезжают друзья,
Ну а я угощаю друзей уходящих,
Разложив дастархан на краю бытия.

Между пастбищем, кладбищем и алтарём
Мы достойно живём и достойно умрём,
И, достойно украсив жилище слепого,
Мы застынем на стенах цветным янтарём.

Идёт Купала

Идёт Купала – Ян или Йонас, Джон, Иван, Иоганн.
Земля не в силах противиться гулким его шагам,
и в каждой ямке от ног его зелёный кудрявый костёр:
папоротник, но вовсе не каждый из них на Купалу цветёт.

Там, где росинки ранишней радугой на земляничном листке,
там, где стебли вьюнка сплелись в причудливом узелке,
где ленточки разноцветные вяжут во славу богов,
где Януш с Магдой на мягких травах девичью пролили кровь,
где капли белёдые наземь из материнской груди
смешались вместе, ты на закате жаркий огонь разведи,
корми его до полуночи, после возьми разбег,
прыгни, крепко зажмурившись, не размыкая век,
чтоб, не касаясь рукой земли, устоять на ногах
и по открывшейся тропке в чащу, преодолевая страх, –
только тогда у тебя есть шанс между зелёных змей
выглядеть тот невзрачный цветок, что горя и смерти сильней.

Гулко идёт Купала, дрожит под ногами земля.
В каменных джунглях люди: пьют пиво, курят кальян,
ходят на каблуках по асфальту или берут такси, –
Ян, Йонас, Джон, Иван, Иоганн, приди и всех их спаси,
дай им душистой зелени с прозрачною синевою,
каждому дай ощущение счастья.
Каждый из них – живой.

Самим собой

сон как большая и умная рыба
не идёт на крючок
сам себе намбула dum spiro scribo
ложись дурачок
в глазах в голове крошево-месиво
из единиц нолей
не отпихнуть не отзавеситься
снова опять налей
пальцы дятлом по клавиатуре
в горле першит
бесстыжая полночь бродячим Кустурицей
несёт всякий shit
на башне набатной всё чище звонче
дуэтом с трубой
свой bestiарий начни и закончи
самим собой

БЫЛ ЛИ

режет ножом режет
скрежет в груди скрежет
сталью звенят сталью
были и перестали

и не сладок грех и не молод конь
разгрызёшь орех а внутри огонь
наноси воды да залей золу
то ли сизый дым то ли мышь в углу

камень мути воду
годы в пути годы
оси скрипят дёгтя
когти клыки когти

от ворот ключи сабли наголо
перезвон в ночи да горит село
сто ветров в степи сто в лесу дорог
атаман хрипит аж до судорог

ай и недолог шлях до ближней каплицы
острым железом лях вертится злится
бога ли нет черти ладят ли свято
плесень в вине смыто сколото смято
смыто сколото смято
смыто сколото смято

колет в груди колет
болью гудит болью
болью больём пылью
быль ли
был ли
был
ли

ЕСЛИ ПЛЫТЬ

если плыть по течению – лучшее ремесло
так уж если не денег то как минимум плот
Господи ниспошли мне
(свежим осенним ливнем)
несколько связанных брёвен
thanks a lot

если плыть на плоту то конечно по той воде
что впадает в озеро в море дальше везде
обогнав драккары и струги
(струи ливня теплы и упруги)
там драконы псиглавцы
ad majorem gloriam Dei

если плыть и достичь предела края Земли
встань на краю – аккуратно гляди не свались
а за краем – радуги арка
(после ливня светло и ярко)
и всё же шагни вперёд
heureux et libre

Ной

Обещали потоп на weather.com,
Не соврали, шаманы погодные, –
А он над своим плавучим мирком
Трудился сто лет и два года.
Подгоняя плотно бревно к бревну –
Сам не плотник и не корабел –
Триста в длину, пятьдесят в ширину,
Он спасение строил себе.

Вот представь: скоро стукнет тебе шестьсот.
Ты живёшь с мечтой дожить до седин
И растишь виноград, выпасаешь скот,
А тебе говорят:
– Ты спасёшься один.
Все погибнут, утонут – котики, дети,
Останешься ты и твоя семья.
Да, возьми всех зверей, что живут на свете,
По две штуки.
– Но почему я?!..

...Всё просохнет. Ты с горькой усмешкой поймёшь,
Что нужно теперь уметь
Привыкать понемногу к тому, что дождь –
Это уже не смерть.

Ловец

По бульвару поэта Пушкина
Он идёт, неуклюж и нелеп:
Серый зонт, пальто, и в наушниках
Неизменная Death on two legs.
Да какие там ночи в опере,
Да какие на скачках дни,
Если вечер – тягучий опиум,
Если ветер полощет нимб.
Шерстяные перчатки без пальцев,
Крылья спрятаны в рукавах,
И в карманах пересыпаются
Нерифмованные слова.

Доставая звонящую Нокию,
Вдруг просыплет горсть или две.

И забавные люди у ног его
Будут их подбирать в траве,
Притирая-рифмуя друг с другом,
Проверяя на ритм, на слог,
На звучание, на упругость,
На песок полночных дорог,
И, развесив строчки на ветках,
С лёгким сердцем оставят висеть.

Если ты ловец человеков –
Ты на них набрось свою сеть.

Life is too short

«Life is too short». Жизнь слишком коротка.
Запомни это, парень, на века:
Как будто день один и ночь одна,
А утром смоем ярая волна.
И заруби на носике, подруга:
Пляши, порхай, покуда всё упруго,
И жемчуг доставай из сундука.

Life is too short. Жизнь слишком коротка, –
Чтоб замуж выходить за чудака
Или жениться на красивой дуре.
И пусть кафтан не по фигуре,
Но не сомбреро украшает Сеньку –
Мы так стремимся к небу по ступенькам,
Но достигаем только чердака.

Life is too short. «Жизнь слишком коротка», –
Выводит неуверенно рука,
Где в руслах вен – лишь вязкие чернила.
Эвтерпа твой сценарий сочинила,
И Терпсихора пляшет danse macabre,
И выпевает вьюжистый декабрь
Позёмками тягучий нонаккорд...
Жизнь слишком коротка. Life is too short.

** в печатной версии автор заменил одну букву по сравнению с первоначальной редакцией стихотворения*

Катали мы ваше Солнце

В этой странной машине полно хитроумно изогнутых трубок,
По которым течёт, пузырится тягучий в прожилках иخور,
И чугунная чёрная рама стоит на нетёсаных, грубых
Тектонических плитах – массивных подножиях будущих гор.

Заскорузлые цепи приводят в движение резные колёса,
И скрипят шестерёнки, с натугой цепляя зубцом за зубец,
И витые канаты, как мышцы несущего Землю колосса,
Оставляют на теле реальности длинный кровавый рубец.

Паровой генератор чуть слышно бормочет невнятные мантры,
И следит за давлением пара стоокий седой часовой;
Разномастные шкивы из дубленной кожи большой саламандры
Чуть заметно, но мерно вращают механику по часовой.

Нарисованы фосфором римские цифры на вычурных лимбах.
Перемолото время до мелких крупинок в стальных жерновах.
Выдвижной объектив фокусирует плоско-сферической линзой
Всеpronзающий свет керосиновой лампы на сто гигаватт,

И платформа вращается, ворвань кипит, испаряется йод...
Так над миром привычное Солнышко каждое утро встаёт.

**Истинная правда о нашей Земле,
поведанная автору
старейшинами разных племён**

Предание ходит среди тысячелетних морских черепах,
Что если Земля на чём-то стоит, то только на черепах
Огромных людских, из глазниц у них пышет жар,
Достаёт до самых Стожар.

Легенду змеи хранят, что Мир в теченье шести
Дней был выгрызен Первым Змеем из большой берцовой кости
Первого человека, он же последний в роду,
Сгоревший в Аду.

У мудрых слонов элѳантов поверье – который уж век,
Что бережно и надёжно Землю держит гигант-человек,
И звёзды не упадут, не колыхнётся небесный свод
В могучих руках его.

И только наивные люди, порожденья огня и льда,
Внимают древним старухам и таким же дряхлым дедам,
Твердящим: чтобы стояла крепко наша Земля, нужны
Черепахи, змея и слоны.

Иное – суега

Есть три кита, на которых держится твердь:
Надежда, вера и третий, – конечно же, смерть.
Хранят их покой три заботливых опекуна:
Питерс, Таккер и верный друг – Сатана.

Внизу черепаха китов подпирает собой.
Она неспешна, как часто неспешна любовь,
И в медленную орлянку играют с ней
Питерс, Таккер и пухленький Гименей.

Слагая картину мира из слов и снов,
Никак нам, друзья, нельзя забыть про слонов.
Слоны – это символ незыблемости бытия,
Как Питерс и Таккер – Гермесовы сыновья.

А сверху лежит раскрашенный блин-Земля.
Сменяя друг друга, стоят у её руля,
Без ропота и обмана несут свой крест
Питерс и Таккер – надёжнейший в мире трест.

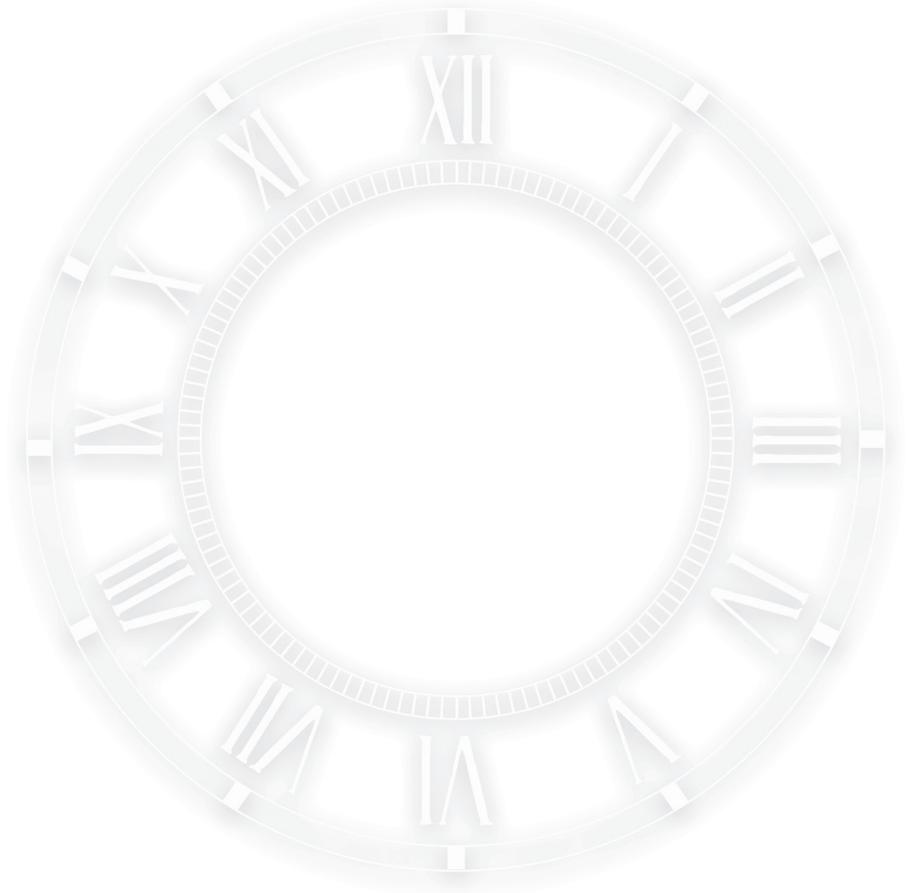
На паузу

Рассвет поставлен на паузу,
Время никуда не спешит.
Ваше слово, товарищ Лао Цзы,
На пакетике рисовой тонкой лапши.
Ощути себя самураем
В битве с семичасовой дремотой:
«Не сдаюсь, но и не умираю» –
Это моё мотто.

Поднимается в джезве мирный атом,
А котлета с лапшой побеждают фастфуд.
Как сказал Конфуций своим фанатам:
«Это я изобрёл кун-фу».
Чьё же сильнее кун-фу, темноты
Или гирлянд, моргающих в окнах?
Сыплет снег. Вороньи насесты пусты.
Спят клубочки – утренние коты,
И на стёклах рисует морозом кресты
Бог нам.

Город-день

Этот город – мой. Этот город – Стефана, Давыда,
Город-день, город – капля росы на моих руках.
Здесь Борис и Глеб, Франциск, Антоний и Витовт,
Здесь пространство и время закуклены в голосниках,
И незваные гости тебя называли Садам.
Сколько войн, религий, правителей – не перечеть...
Я всю жизнь здесь живу, мне другого счастья не надо,
Потому что Христос приземлился именно здесь.

* * *

*Может быть, ты предусмотрен тоже
В музыке трамвайных проводов.
Нина Габриэлян*

В музыке трамвайных проводов
Ты свою мелодию найди.
В серых лабиринтах городов
По струне рукою проводи,
И не бойся, отбивай свой ритм
По булыжным бонгам мостовых,
И домой с собою заberi
Терпкий ветер с запахом листвы.

Города, в которых ты бывал,
Оставляют музыку: везде
Стоит только подобрать слова
Да пустить кораблик по воде,
И, как в море тает лунный серп,
Проникают в кровь твою и плоть
Каунас и Тырново, Несебр,
Вильнюс, Гданьск, Варшава, Рига, Лодзь.

Этот город

*Виктории Ильиной,
рисующей города из моих снов*

Этот город – жёлтый и красный, двери-окна размеров разных и на башне шпиль несуразный – очаровывает меня. Здесь прямые линии редки. На скамейках – бабки и дедки, а в пруду – цветные монетки, и по берегу – малышня. Этот город – сине-зелёный, словно созданный для влюблённых, под резными листьями клёнов проезжает резной возок, здесь полны русалок фонтаны, здесь цветки роняют каштаны и доносится из шантана невесомый лёгкий джаз.

Этот город, словно у Фрая, на границе яви и рая, здесь звенит бубенчик трамвая, басом вторят колокола, здесь у ратуши часовые, здесь из стёклышек мостовые, и зовут проулки кривые прогулять всю ночь досветла, заходить в ночные кафешки, покупать бриоши и кешью, медитировать на полешки, что трещат в каминном огне...

Я сижу. В камине, как в раме, вижу пропасть между мирами, где съедает, танцую, пламя мир (и чёрт с ним!), куда возвращаться совсем
не хочется
мне

Ещё

*Я так давно родился, что слышу иногда...
Арсений Тарковский*

Я так давно родился и живу
В том городе с ажурными мостами,
Где флюгеры, собравшиеся в стаи,
По вечерам над крышами взлетают,
И небо превращается в канву,
Расшитую стеклярусом комет
И ароматных трубочек корицы.
Часы на башне отбивают тридцать,
И на пушистых липовых ресницах
Кольшется фонарный тёплый свет.

Вся жизнь моя на этих площадях –
Наполненная смыслом бесконечность:
Струится и пытается утечь, но,
Истлевшим чёрствым временем чадя,
Века меня не тронут, пощадят,
И я взмахну распахнутым плащом
От этих стен, так тягостно знакомых,
Вдоль цветников на кованых балконах,
Над будками сторожевых драконов
В далекое манящее «ещё».

На спине кита

Мой разноцветный город стоит на спине кита.
В маленьких тихих двориках – тень от его хвоста,
А на базарной площади – гомон и суета.

В городе бьют фонтаны солёной морской водой,
Зеркало дна прозрачное выложено слюдой.
Рядом – торговцы всяческой мелочью-ерундой.

Ратуша, рынок, площадь с платанами по краям.
Вместо брусчатки – серая с проседью чешуя.
Вдаль убегает нитка, трамвайная колея.

В парке – кофейня: столики, кофе, безе, ирис.
Листьями ламинарии в кронах играет бриз.
Стайки летучих рыбок, чуть слышимый рыбий свист.

Плавно плывёт по морю кит, дует в китовый ус,
А на спине фонтаны и лавочки, прочий груз,
Только неведом жителям странный китовый курс.

Мимо плывут Аквариус, Рыбы и Эридан,
Мерно ведут алхимики счёт световым годам,
Мирно дрейфуя в небе, мой город плывёт туда,

Где города на спинах другие несут киты,
Где, на окраине стоя, ты глядишь с высоты...
На середине неба мы встретимся –
я и ты.

Оркестрик

В предосеннем парке звучит оркестрик,
Местечковый уличный диксиленд,
И танцоры кружатся в разнопестрье
Надувных шаров и бумажных лент.

На эстраде медью тромбон и туба,
А над ними с карканьем вороньё,
Шелестят листки на афишных тумбах:
«Отдаю», «Нашёлся», «Сниму жильё»,

А оркестр играет «О соли мио»,
Пары держат ритм, и глаза горят,
И горят огни, и летят над ними
Десять дней, оставшихся до сентября.

Уличный музыкант

Ветер несёт по улицам палые листья.
Хмурому небу и местным голодным котам
Он на баяне в проулке играет "Misty",
Плавно перетекающую в "Summertime".

Редкий прохожий, знакомую тему услышав,
Бросит в потёртую кепку пару монет.
Солнце садится. Киксуют коты на крыше.
Тихо на слабую долю скрипит табурет.

В луже напротив искрит, догорает небо.
Музыка, ветер, хмурый осенний драйв...
Он доедает последний кусочек хлеба
И начинает наигрывать "Take five".

Гамельн

и когда закончится самый последний сеанс,
когда самый последний трамвай уедет в депо,
ты – бегом по пустынной улице, догоняя шанс,
натываясь на фонари и урны, будто слепой,
потому что пора покинуть этот кордебалет –
будь ты лётчик, дальнобойщик или матрос,
и тебя бы должна ждать девушка, а девушки нет –
и тебя затягивает этот безумный кросс,
перепрыгиваешь через бордюры, избегаешь на
непосыпанные солью горбатые спины мостов,
маячком по курсу всё так же светит луна,
и ты думаешь, что осталось каких-то сто
не шагов, нет – прыжков, полётов сквозь темноту,
с тихим хлопанием крыльев, шагнул – оттолкнулся – лети!
но на самом последнем оглянешься на лету...

и назад. флейты больше не слышно.

из Гамельна

просто так

тебе

не уйти

Граду Менескову

Зимний воскресный индустриальный пейзаж,
Временная демобилизация подъёмных кранов.
Можно до дыр проглядеть глаза
И ничего не высмотреть в сером тумане,
Затягивающемся вокруг моей шеи гарротой:
То ли рассвет, то ли день, то ли вечер.
Скульптурами скалятся башни-ворота,
На левой часы вытикаивают вечность.
Белым пунктиром квадрат с людьми,
Дымящими нагло на глазах у милиции.
Сегодня бы вытерпеть, чёрт возьми,
А завтра – прощай, нелюбимая столица.

Бобруйское

Здравствуйте, ребе, шалом, как сами?
Вход в синагогу скромн на вид.
Под белорусскими небесами
Малозэтажный город стоит.

Всюду бобры и на гербе брѣвна –
Кич для туристов не задушить.
Слепо глядят провалы дворов на
Низкие окна былых иешив.

Мне же от города нужно немного:
И для себя, и для страны
Счастья выпрашивая у Б-га,
Всунуть записочку в щель стены.

Ещё одна городская картинка

человек выходит на улицу площадь лобное место
чтоб не давили стены
раструбами валторн проходящий мимо оркестр
фальшивит шопена
человек садится прямо на мостовую
трогает пальцем брусчатку
вырисовывает на гладких камнях заковыристую кривую
стирает свои отпечатки
за высокими стенами города дым костров ржанье коней
стали лагерем замкнули кольцо
погреба не бездонны сахар и соль уже поднялись в цене
на воротах парка культуры вешают первых купцов
за стеклом газета передовица обещает скорый прорыв
мол правительство в курсе думает чем помочь
человек достаёт из кармана десяток хлебов и рыб
оставляет на мостовой и уходит прочь

К городу приближается святой Николай

К городу приближается святой Николай.
В городе иллюминация, около ёлки дети,
Толпы в обменниках, ругань, собачий лай
У касс «Электросилы» и «Евросети».

В городе нету снега, почти весна,
По вечерам рвутся петарды с шумом,
Варит картошку пред Рождеством страна
На оливье и селедку под вечной шубой.

Люди приходят с работы; привычные силы зла
Корчат рожи из телеков, но поздно, поздно:
К городу тихо подходит святой Николай.
Дети ложатся спать. Просыпаются звёзды.

Посвящение февралю

Какой же тягостный февраль: уже девятую неделю
Он отплывает, как корабль; наросты ракушек на теле
Его движенью не дают осуществиться. Снег и слякоть.
Корица, плед, торшер, уют. Вечерняя густая мякоть,
Что обволакивает. Ночь ко мне в окно стучится немо.
Кассетник “Grundig” (made in Deutsch...)
На плёнке – “Girl from Ipanema”.
Мотив, струящийся во тьму, и уменьшённые аккорды,
И вьюжно-утренняя муть, и домоталась до ракорда
Кассета с надписью “Denon”. И так девятую неделю
Мой день мешается со сном, февраль мешается с апрелем...

Апрельское, оптимистическое

Когда разбуженной пчелой в нас зажуужит апрель,
Нам станет ярко и тепло, и легче, и бодрей:
Начнём писать стихи и вслух читать на площадях,
Пойдём плясать, ворвавшись в круг, подмётки не щадя,
Ведь скоро выключат весну и включают карантин, –
Плевать!.. В небес голубизну мы прыгнем и взлетим,
И сбросим маски, и поток подхватит в облака,
А в небе радуги глоток, а может, два глотка,
Внизу трамваи и дома, и моет лапки кот,
И будет осень и зима, и будет Новый год,
Во сне обнимемся с котом морозным январём,
А что потом? Да что потом... Потом мы все умрём.

Август

Август – время надежд, которые не надо скрывать,
Август – бремя одежд, которые так сладко срывать,
Август – истома в душе, пришедшая на смену весне,
Август – россыпи грошей у лета на дне.

Август – пахнет васильком и скошенною свежей травой,
Август – бегать босиком по ласковым камням мостовой,
Август – в мареве небес невидимый жужжит вертолёт,
Август – в вафельном стакане растаял лёд.

Август – золотом кипит, и жарко необутым ногам,
Август – кузнечик скрипит, свингуя, словно пьяный цыган,
Август – радуга-дуга, бегом по разноцветной горе,
Август кончился. До встречи в сентябре.

Ending summer

Лето кончается. Эй, не грустим-ка!
Хлынули толпы в грибные места.
Скоро вокруг полетят паутинки,
Indian summer неся на хвостах.
Первые два промелькнули – хотя бы
Август за лето поблагодарю...

Вот и поймём, каковы были бабы, –
По сентябрю.

31.08

И все же этот многоликий август
Подобен улетающему змею:
Ловить его за длинный хвост цветной
Нет смысла, но
Так хочется.

Сентябрь, первое

Мы снова перед первым сентябрём
Нелепы и растеряны, как дети:
В который раз – и снова в те же сети.

Беспомощны, пока глаза протрём –
Мы разучились поутру вставать
С будильником за прожитое лето,
Отгородившись шторами от света;

Но не о том нам стоит горевать,
Что нас вернуло в эту карусель:
Собрать, отправить, встретить и проверить,
А лишь о том, что школьных классов двери
Для нас уже закрыты насовсем

И вместо детства нам, увы, остались
Работа, внуки, пенсия и...

Осень

Осень сделана из неба и из жести,
Черепичных крыш и водосточных труб.
Тонут в листьях Старый город и предместья,
Всё свинцовой злое небо поутру.

Эта осень нам на что-то намекает
И шуршит резной кленовою листвою,
Словно хипстер с разноцветными носками,
Что бредёт по обмелевшей мостовой.

Слышен шорох тонких струн паучьих кросен,
С них слетает пожелтевший флажок...
А поэты пишут осенью про осень,
Завернувшись с головой в ванильный плед.

Paradisus amissus

И снова дождь, и снова холода,
И серо-беспросветная вода
Смывает краски с мокрых каменниц.
Вечерний иней, утренний туман,
И прячет бог рассеяно в карман
Расцветенные поздним солнцем дни,

И вновь продрогший коврик у дверей.
Тоскливых непрогретых батарей
Не хочется касаться лишний раз –
Имбирь и мёд, и чайник на плиту.
Колючих капель дробный перестук,
Обрывки барабанных мокрых фраз,

Раскрытый зонт. «Ну ладно, я пойду».
Гниёт опад под яблоней в саду,
Листва слетает с черепичных крыш.
Разложены на стульях свитера,
Отложен (но пребудет с нами!) рай
На две лишь сотни суток. Только лишь.

Winter is coming

...Вдруг улыбнувшись небритую рожей,
Выйти в ноябрьское мерзкое месиво,
Пусть в кошельке только ломаный грош и
Пусть в холодильнике клоун повесился –
Вспыхнуть отчаянным протуберанцем
В гуще листвы и сосновых иголок,
Выстыдить внутреннего засранца,
Выстудить вечно горящую голову,
Видеть, как мокрый осенний даймон
В воздух подкинет прозрачный камень,
Так что – shine on you crazy diamond,
Но не забудь, что winter is coming.

Магия

магия мокрых щёк, музыка тонких рук
хочешь ещё, ещё, сердце чуть слышно «тук»
нового дня пожар, вой городских ветров
ночью огни Стожар, утром огни метро

трудно рубить плеча, трудно захлопнуть дверь,
новую жизнь начать, я не о том, поверь
я бы сыграл свой джаз, только выходит блюз
хочешь сейчас, сейчас, я ведь не тороплюсь

стаяка голодных птиц, сумка через плечо
шелест пустых страниц, ты уже ни при чём
я же останусь тут, соль на твоей щеке
долгие пять минут тает рука в руке

Out of the blue

раздраен и разъят на ярмарке наяд
что я а я тя лю
вполслова – подожди но сыплются дожди
из out of the blue
театр а я вахтёр упал – небес шатёр
прощай вестибуляр
а по небу круги давай вставай беги
вот ursa вот поляр
ты маха я слепец но это не капец
я знаю много ги
тик так скрипит песок мы вязнем марш-бросок
споткнулся помоги
а где-то маскарад а я циничен рад
тупым веслом гребя
фарватер не невы но верю что мы вы
а я а я тебя

до не бес

дотянуться бы до небес
и струною звенеть в ночи
что естественно то не бес
бес случайностей бес причин
басовито гуденье струн
как мохнатый полёт шмеля
что ты милая я не вру
я люблю тебя веришь мне
отлипаем от друга друг
распрямяем пружины тел
только тук – пауза – тук
в(темно/пусто/мес)те

* * *

Я список кораблей. Я – летопись столетий,
Скрещение дорог, хитросплетенье рек,
Я лев и водолей, огонь, земля и ветер,
Близнец и козерог, и свет, и зной, и снег.

Я – руки на плечах, я – выпуклые вены,
Биение сердец, дыхание не в такт,
Я – выставший очаг, я – трещинки по стенам,
Я – сумрачный банкрот, я всё всегда не так.

Я – капли по стеклу, я – воск, и я стекаю
По лезвию свечи на блюде, и сейчас
Я тенью на полу. Я падаю, я камень.
Ты только не молчи. Достаточно для сча...

Кофе вдвоём

Пахнет свежесмолотыми зёрнами,
Пахнет кардамоном и корицей.
Годы мои патиной подёрнуты,
А тебе ещё слегка за тридцать.
Прядь твоя упавшая, как явь, легка,
Счастье неодетое босое,
Горечь чая, что со вкусом яблока,
Сладость кожи, что со вкусом соли.
Сердце сердцу тайное доверило,
Это скерцо слышат только двое:
Вот уже то мягко, то уверенно
Нажимаю тела твоего я
Клавиши то белые, то чёрные,
Всем соседям слышно, да и бог с ним –
Пахнет свежесмолотыми зёрнами,
Пахнет свежубежавшим кофе.

Вино из одуванчиков

а ты мне робко говоришь
хочу вина из одуванчиков
и чтоб за окнами париж
и чтоб взаправду не обманчиво
и чтоб корица и суфле
и миллион воздушных шариков
и чтобы на ночной земле
нам ничего не помешало бы
а я тебе в ответ смотри
вокруг луны колечко светится
и лужа дождиком пестрит
смешной портрет большой медведицы
и мы под сонными стожарами
по мокрой тёплой тропке за руки
до горизонта до утра
и будет утро будет ра...

* * *

Чаще всего на свете я вспоминаю неделю,
В которую мы с тобой чего же только не делали:
Лазили на чердаки в заброшенных старых кварталах,
В кофейнях на узких улочках пили эспрессо, усталые,
Сидели вдвоём на обрыве, лицом к ручью, спиной к синагоге,
Шли с рюкзаками по лесу, не выбирая дороги,
Плескались в реке, лежали на пляже, жевали травинки,
Пинали носками камешки на солнцем нагретой гравийке,
Кормили орешками белочек, бросали семечки птицам...
Жаль, что этого не было. Но это ещё случится.

Камень

Ты подплываешь ко мне,
Чуть шевеля плавниками.
На пальцах россыпь камней,
Во рту самый главный камень.

Будем молча сидеть,
Друг друга касаясь едва.
Камень искрится в воде,
Не даёт родиться словам.

Листьев цветных круговерть,
Синий воздушный шарик.
Вырастить крылья и вверх,
Но камень во рту мешает.

В воду перо макну,
Буквы в форточку стаей.
Лечь и, обнявшись, уснуть,
И камень растает.

Белое на белом

Знаки

Ежеминутно набегающей на берег
Морской воде
Не дотянуться, не стереть
Тех странных знаков,
Которые сегодня мы с тобой,
Дурачась, написали на песке
Чуть выше линии прибоя.
Они застынут, затвердеют
Среди морских прибрежных отложений,
Переживут любые катаклизмы
И будут найдены спустя тысячелетья,
И, может быть, найдётся Шампольон
И надписи придаст какой-то смысл.

Вот так сегодняшняя наша
Забава может стать
Причиной выдающихся открытий,
И наши отдалённые потомки
Не будут знать, кого благодарить
За принципы мгновенных путешествий,
Координаты обитаемых миров
И драников рецепт аутентичный.

и всё

а нынче всё иначе чем вчера
свою папирусную лодку светлый Ра
на запад разворачивает
небо
темнеет с каждым часом
облака
мешают видеть горние знаменья
но тем не менее стоим как остолопы
так простоим до утра
до утра́
глядим поверх троллейбусных насестов
где птицы-четвертушки свесив штили
высвистывают изредка секунду
к дрожанию асфальта под колёсами полночных грузных TIR-ов
и все ориентиры сбиты, как лётчик Джао Да
пронзительное слово «никогда»
не каркают вороны в старом парке
на шпильях кирпичи отблески крестов готически зловещи понарошку
а мы стоим объятые объятьем
об я дробь мы споткнувшись
и рассвет
пока
не красит нежным светом ничего

так простоять хотелось бы всю (...жизнь?
нет нет плашмя упавшую восьмёрку)
но восемь склянок и пора бежать
на пары
на работу
на запястье
неумолим хронометр он мелет
тот пресловутый пуд (чего?) в песок
тик
так
не так
и всё не так
и всё

Балтийское

То, что было, останется там, в янтаре/январе.
Слюдяное крыло запечатано в вязком меду,
Мутно-жёлтый кусочек, впитавший потоки тепла,
Сделай дырочку, нитку на шею, и вечно храни.

Сосны плакали, волны катали, а время текло,
И крыло трепетало, светилось, держа над землёй.
Лёгкий танец стократ отражён в многогранниках глаз,
Переливчатым телом восьмёрка–сближенье–распад.

То, что было, останется там и тогда, но не тем.
Через тысячи тысяч вернуться к холодной воде,
Босиком по балтийскому берегу сеять песок,
И найти, и оставить на месте, и тихо уйти.

Радужное

Клепсидрой наполняю океан.
По капелькам на камешки стекает
всё то, чем был и чем не есть сейчас.
И в каплях (крови? слёз? живой воды?)
я вижу буквы, цифры и фигуры.
В их сочетаньях есть какой-то смысл,
который мне придётся разгадать,
ведь этот смысл за полста лет потерял,
и без него я потерял себя.

Я в детстве слишком рано стал читать.
Я стал (чтецом? читателем?) червём,
прогрызшим в книгах сотни лабиринтов,
но главного в них так и не нашёл:
оно не там, оно (вовне? во мне?),
а детство всё. Бумажная труха.

А капельки сливаются в одну,
она трепещет, как стеклянный шар,
искрящийся, узорный, тонкостенный.
Я разбиваю шар, и в каплях (крови?
живой воды? кипящего стекла?)
танцуют, преломляются лучи,
и радуга на небе для меня,
и я иду (за ней? под ней?)
по ней.

Телега

Осенний полдень. Смысл бытия
На мягких лапах тихо ускользает,
И кажется мне, будто нет его;
А коль и есть, то он похож на труп,
Плывущий по священным водам Ганга
Искать упокоенья в океане.
Осенний вечер. Лампа на окне
Негромко освещает подоконник,
И жёлтый круг лежит на потолке,
И будто две луны – одна внутри,
Другая за окном, она ущербна,
Вернее, нет, она ущерблена,
Но нет, не так – она растёт, и вскоре
Сравнивается округлостью своей
С тем жёлтым потолочным близнецом.
Осенней ночью хочется дышать.
Нет ничего страшнее передышек –
Писал когда-то в прозе мудрый классик,
И эта фраза просится в размер,
Но, кажется мне, классик заблуждался:
Всего страшнее ускользнувший смысл,
Ведь без него вся жизнь ущерблена,
И, более того, она ущербна.
Когда уходят за полночь друзья,
Хихикая, не попадая в двери,
Ты остаёшься с ним один на ноль:
Вот ты один, его же нет. И что?

Читатель по законам рифмоплётства
Ждёт сильной неожиданной концовки,
Но бытие влачится, как телега,
По выбитой бульжной мостовой,
Трясётся на ухабах. Вот и всё.

По воде

А ты всё идёшь, и идёшь, и идёшь по воде,
Ты хочешь, но только не можешь, не можешь взлететь,
Речные корни опутали ноги твои,
Под ближней ракитой закопано сердце твоё.
Идёшь по воде, распугав и лягушек, и рыб,
Бредёшь по болоту, ломаешь иссохший тростник,
Из чащи злорадно хохочет злодей-козодой,
А снизу доносится бульканье, шелест и скрип,
И ты бы взлетел, только цепки корней в крюки,
И ты б утонул, только вниз не пускает вода,
Быть может, когда доберёшься до твёрдой земли,
На жёстких лишайниках сможешь чуть-чуть отдохнуть.
Усталый солдат, дезертир с неизвестной войны,
Поживший старик, повидавший и радость, и боль,
Твой путь по воде – без дороги, без цели, без сна,
Твой компас пропал, ты не помнишь, где север, где юг,
В кисете земля, а не добрая горсть табака,
В заплечном мешке вместо хлеба – полпуда тоски,
Твой посох сломался, одежда истёрта до дыр,
А ты всё быстрее идёшь, ты бежишь по воде,
Ты силишься, силишься, ну же! – вот-вот ты взлетишь
И с хлопаньем крыльев изменится сумрачный мир,
И солнце пробьётся сквозь плотную вязь облаков,
И ты улетишь прямо к солнцу.
Дерзай же, Икар.

Из невошедшего

Говорят, что история лучше без фотошопа.
Закрываешь глаза, ложишься и слышишь шёпот
Из розетки, с люстры, из батарей отопления –
Он бурчит: «Готовься к борьбе за дело Ленина!»»

Ах, Владимир Ильич, вы же сами нам завещали,
Что краюха ржаного с маслом важнее пиццали,
Что вода – матросам, воздух – лётчикам, лес – грибникам,
Что как только умолкнут пушки – вжарит канкан,

Что духовность – не Вася Ложкин и даже не Басков,
Что на Запад нужно с особой глядеть опаской,
Ведь оттуда приходит не только Брамс и Бетховен;
Если радугу видишь – жмурься, и будь духовен,
И не рвись на британский, но лишь на Андреевский флаг.
Только так победишь. Выживешь только так.

Но P.S. в этом глупом стишке важнее морали:
Мы всё помним, Ильич. История – по спирали.

Элегия I

какие могут быть игрушки
мечты прогулки при луне
послушай друже где же кружка
мои случайные подружки
напрасно глазки строят мне

и боже мой какая скука
работа школа магазин
судьба глупа и близорука
и мой пример другим наука
и мрак и сплин невыразим

но есть ещё в пороховницах
и дробь и перец и зола
забросить всё уехать в Ниццу
с молодой танцовщицей певицей
перекусивши удила

а поутру они проснулись
всё тот же год всё тот же век
и вдоль пустынных мокрых улиц
бредёт понуро чуть сутулясь
всё тот же ветер в голове

Элегия II

смешались в кучу кони люди
и хрен с бугра и хрен на блюде
пора красавица проснись
довольно дрыхнуть друг прелестный
сопротивленья бесполезно
упал король рубашкой вниз

да были люди в наше время
валили лес влачили бремя
в веригах рублищах цепях
немеют руки на штурвалах
мы выползаем из подвалов
сердцами ржавыми скрипя

но басовит и знаменосен
на нас несётся броненосец
огромен и неуязвим
и кто-то с мантрой аллилуйя
принцессу спящую целует
roi est mort god save the queen

Элегия III

мы все умрём и наши жёны
они же пушки заряжены
по разу выстрелят без нас
и залпы башенных орудий
в многоголосый вой иудий
солятся в этот скорбный час

а мы часов не наблюдаем
постимся молимся страдаем
страда рабов страда господ
и царь не колокол не пушка
родит неведому зверушку
кому позор кому приплод

мольбы пусты слова напрасны
и тридцать рыцарей прекрасных
бросают бочку в окиян
и в назидание потомкам
нас извлекут из-под обломков
как сон как утренний туман

Гроб на колёсиках

Будь ты учителем, дворником, лётчиком –
Голос услышишь во мгле:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках
Едет по нашей земле!

Учишь ли физику, валяешь ли просеку –
Как объявление войны:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках
Вторгся в пространство страны!

В бане с друзьями, с коллегами в офисе
Или с любимой вдвоём:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках
В городе скоро твоём!

В спальне, в уборной – повсюду доносится
Из неожиданных мест:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках
Ищет твой дом и подъезд!

В радио, в телеке мёртвые с косами,
Злобно бурчат упыри:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках
Рядом, лишь дверь отвори!

Голос скрежещущий режет белёсую
Сонно-рассветную рань:
Девочка-девочка, гроб на колёсиках...
Блин, я же мальчик! Отвянь!!!

Письмо к Н

дорогая, спешу написать тебе, как ты мне дорога
времена наступили тяжкие, в каждом третьем видишь врага
я не сплю до двух, скучаю, Гомера листаю томик
утром кофе, вечером чай, вместо джина – силлаба и тоник
но кому нужны тех глубоких рыб невнятные песни
без тебя мне никак, хоть тресни

дорогая, меня окружило интеллектуальное большинство
у кого в нагрудном кармане шило, у кого за пазухой ствол
в телевизоре Солодуха, белорусский недокобзон
всё поёт и пляшет свой душный нафталином пропахший зонг
страшно жить, страшно листать френдленту,
страшно зайти на онлайнер.бай
бьёт двенадцать, гуляй, гольтьба

только знай, дорогая, адептов культуры не так-то легко сломать
скоро выйдет под полным названием повесть Эм Горького «Мать»
стихотворцы опять соберут стадионы, рифмой мешанство разя
и народу покажут в рекламе тампонов всё, что раньше было нельзя
рядом с пламенной Жанной д'Арк встанет умница Жиль де Рец
засим sincerely
твой мокрец

Злободневное, или Антикопперфильд

Пропаганда пробирается в мозг, как Дэвид Копперфильд:
Сел за комп, раз – и зомбирован, мыслить иначе не моги!
Впору повесить на монитор испытанный сетчатый фильтр
И натянуть на голову привычную шапочку из фольги,
Да не забыть про кактус – лучше два, с обеих сторон,
Чтоб излучение не разжижало серое вещество...
Вот тогда ты сядешь на пятиколёсный кожаный офисный трон
И протянешь к экрану дулю: «На-кося, выкусы! Во!»

Каббалистика

каббалистика это такая братан наука
эзотерика опасная типа для гоев штука
там знаки буквы круги заковыристые имена
ошибись хотя бы в одном и хана

каббалистика это пуд соли вынь да положи всю жизнь
это не так как ты пять лет в универе
это братан учение оно хрен даётся чужим
некрепким в еврейской вере

каббалистика блин заноза в моём мозгу
я всё понял братан пока я уже бегу
изучать магчасть не упуская ни дня
ребе скорее обрежьте меня

Диптих

I

Какое небо! – чёрная дыра:
До дна не достают прожектора
Напыщенных млечнораспутных звёзд.
За лесом эхо ухаёт совой,
А вдоль дорог – берёзовый конвой.
Ворчлива роща. Молчалив погост.

Дискретно Мирозданье. Поутру
Сурок чуть выйдет – и опять в нору;
В норе темно, теней не разглядеть.
Нора есть символ гибнущей мечты,
В ней копошатся черви и кроты,
Их пища – корни нежные надежд.

Да что надежды! Сам, брат, посуди:
Поющих много, слышащий – один,
Поди к нему пробейся сквозь толпу.
А я решил, что буду всех умней:
Нашёл валун поменьше, поскромней,
Над ним трудился много долгих дней...

Но он несоразмерен, ей-же-ей,
Александрийскому столпу.

II

Я памятник себе. Я список кораблей.
Я мелом по судьбе. Я перья тополей.
Я лучший непоэт, парящий над толпой,
Я сам себе аэд, я сам себе слепой.

Я девять дней висел. Я жидкий пил янтарь.
Я Клуба 27 почётный секретарь.
Мне холодно в аду, мне муторно в раю.
Я сам от вас уйду и сам себе спою.

Я список кораблей. Я памятник себе.
Я клоун дю Солей, я соло на трубе,
Японский сад камней, китайский Новый год.
Не зарастёт ко мне. Во мне не зарастёт.

Эпилог

не бросайте камешки и снежки
все мы смертны
пусть на свежесшитых стишках стежки
так заметны
не считайте родинок на щеках
дыр в заборах
радуйтесь оставшимся пустякам
осень скоро
шорох палых листьев и немота
птичьих криков
что же нам осталось? обнять кота
и мурлыкать

СОДЕРЖАНИЕ

Время играет в нас	3
Кассета	4
Полувечное	4
Полжизни тому назад	5
Рыба на колёсах	6
Так бывает	7
в эту воду	8
Выше неба	10
Прощание с уездным городом N	11
Полотно	12
«Между тысяч и тысяч ярчайших звёзд ...»	14
sous le ciel de Paris	15
На горе трава	16
Жанровые сцены на фоне креста	17
У озера храм	18
Рубай	19
Идёт Купала	20
Самим собой	21
был ли	22
если плавать	23
Ной	24
Ловец	25
Life is too short	26
Катали мы ваше Солнце	27
Истинная правда о нашей Земле, поведанная автору старейшинами разных племён	28
Иное – суета	29
На паузу	30
Город-день	31
«В музыке трамвайных проводов ...»	32
Этот город	33
Ещё	34
На спине кита	35
Оркестрик	36
Уличный музыкант	37
Гамельн	38
Граду Менескову	39
Бобруйское	40
Ещё одна городская картинка	41

К городу приближается святой Николай	42
Посвящение февралю	43
Апрельское, оптимистическое.....	44
Август	45
Ending summer	46
31 08	46
Сентябрь, первое	47
Осень	48
Paradisus amissus	49
Winter is coming	50
Магия	51
Out of the blue	52
до не бес	53
«Я список кораблей...»	54
Кофе вдвоём	55
Вино из одуванчиков	56
«Чаще всего на свете...»	57
Камень	58
Белое на белом	59
Знаки	59
и всё	60
Балтийское	62
Радужное	63
Телега	64
По воде	65
Из невошедшего	66
Элегия I	67
Элегия II	68
Элегия III	69
Кембрик	70
Гроб на колёсиках	71
Письмо к N	72
Злободневное, или Антикопперфильд	73
Каббалистика	74
Диптих	75
Эпилог	77

Литературно-художественное издание

СОЛОВЬЁВ Павел Иванович

ВРЕМЯ ИГРАЕТ В НАС

Издано в авторской редакции

Дизайн и вёрстка
Александр Ключников

Корректор
Елена Лещинская

Подписано в печать 10.03.2023.
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5.50
Тираж 75 экз.
Заказ 66-9/2023

Издатель и полиграфическое исполнение

Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСаПринт»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/388 от 01.07.2014.

Ул. Карла Маркса, 11, 230015, г. Гродно

+375 152 32 00 01

+375 295 87 84 11

www.usp.by info@usp.by

